

Глава 168: Партия цветения персика (1)

Переводчик: Антония

Бессознательно, он вывихнул зубы...

"В твоём сердце есть правила разделения между мужчинами и женщинами, но в моём сердце это чистая дружба и любовь между семьями... Веришь или нет! Что бы ты ни делал, я все равно Мо Цяньсюэ. Ради тебя я могу пожертвовать своей жизнью, но я никогда не стану марионеткой на твоём заднем дворе и не буду толкаться тобой".

Она была независимой личностью. Если бы он ее не уважал, она бы его больше не любила... Он так с ней обращался только потому, что она его любила. Когда она думала об этом, ее тело было жестким.

Глядя на травмированные пальцы, которые он укусил, Нин Шаоцин лизал их с любовью и заставлял себя вставать, вздыхать и натягивать на нее одеяло. Еще один взгляд и прикосновения, он боялся, что не может больше контролировать себя.

Он просто не мог заставить ее... Она была такой жесткой. Это потому, что она была разочарована в нем? Что ему с ней делать?

Он давно знал, что она отличается от обычных девушек, но каждый раз, когда он видел, как она ведет себя рядом с другими мужчинами, он просто не мог не злиться. Она говорила такие обидные слова. Она жалела, что полюбила его? Она хотела, чтобы он ушел?

В тот момент он почувствовал, что не может иметь ее сердце. Он действительно запаниковал...

Чем сильнее ты пытаешься что-то уладить, тем грязнее это становится. Было бы лучше официально жениться на ней как можно скорее.

Решив, он обернулся и обнаружил, что Мо Цяньсю всё ещё злится, а её ресницы разорваны. В его голове играли с ней капельки и серость его жизни в деревне Ван. Это была она.

Хорошо. Если бы она была такой же с обычными девушками, он бы ее не так сильно любил.

Хотя он всё продумал, он всё равно наклонил глаза: "Больше не рисуй Су Ци". Тон все еще был немного холодным, но умолять в нем было трудно спрятаться. Тем не менее, он все еще был автократичен.

Он только сказал не рисовать его, но не запрещал разговаривать и встречаться. Это был самый большой компромисс.

В политике были всевозможные компромиссы, как и в отношениях. Если она делала себя слишком резкой, то боялась навредить и себе, и другим. Видя, как он встал и чувствуя компромисс в своих словах, она планировала кивнуть. Тем не менее, при мысли о том, что она обещала Су Ци, она мягко спросила: "Это не потому, что я не хочу соглашаться, но я обещала Су Ци нарисовать для него набор симпатичных портретов. Я должна сдержать свои слова! Я могу только пообещать, что не буду больше рисовать после этого набора".

Нин Шаойкен потянул за лицо и ничего не сказал. Мо Цяньсюэ взглянул на него: "На самом деле, я закончил с этим набором и пообещал няне не рисовать больше... но, только что..." Если бы он не...

Брови Нинга Шаоцина были вязаны, а лицо было темнее. Она умела рисовать, а он пытался придумать, как уничтожить эти картины, когда Су Ци получил их.

"После этого больше не рисуй других мужчин". Мо Цяньсюэ, видя, что его выражение менее холодное, поспешно кивнул, и Нин Шаоцин добавил: "Кроме меня".

Мо Цяньсюэ задохнулся, поднял брови и случайно спросил: "А как же твой сын?"

Она сказала это случайно, но это согрело его сердце и сгладило его вязанные брови. Он все равно доминирующе ответил: "Даже не он!" Тем не менее, он звучал тепло.

Он слегка ущипнул ее за одеяло, и Мо Цяньсюэ почувствовал, что ее сила вернулась. Наверное, это было похоже на ее иглоукалывание золотыми иглами.

В конце концов, шторм закончился, и Нин Шаоцин скомпрометировался. Пришло время объяснить. В конце концов, было нелегко иметь хорошие отношения, которые могли бы дать хороший результат только после постоянного углубления через прощение и компромиссы.

Мо Цяньсюэ кашлянул: "Я просто хочу научиться боевому искусству и мастерству владения мечами...".

Нин Шаоцин заправил для нее одеяло, чтобы прикрыть соблазнительную ключицу, мягко упрекнул ее: "Ты не мог бы прийти ко мне, чтобы научиться фехтованию?".

Мо Цяньсюэ дал ему блеск и обвинил его: "Где я могу тебя найти?" Нин Шаоцин был безмолвен. Он не сказал ей, потому что это место было трудно найти. Если бы она действительно пошла туда безрассудно, на нее бы обрушились неприятности. Это была его ошибка!

Он долго вздохнул, как будто решил: "Этого больше не будет". Послезавтра ты можешь приходить ко мне, когда захочешь... Я научу тебя больше самообороне кунгфу..."

"Паф..." Мо Цяньсюэ ворвался в смех и дразнил его: "Ты учишь меня? В прошлый раз ты научил меня любить ладони. А что на этот раз? Любовь к мечам или любовь к кунгфу до смерти?"

Теперь была очередь Нин Шаоцина смеяться. Углы его губ изогнулись в широкий изгиб: "Так как ты уже даешь имена, я должен научить тебя, или ты можешь подумать, что я злой..."

Холодный воздух в комнате рассеялся и сменился шутками и смехом, один сидел, а другой лежал в одеяле.

Только до этого момента няня Мо, которую слушали на улице, могла спокойно отдыхать и мягко улыбаться.

**

Когда на восходе солнца небо окаймляло тусклым красным светом, экипаж особняка Основателя уехал из города.

В Императорском персиковом саду на Фэнкси Хилл состоялся праздник цветения персиков. Он не был ни слишком высоким, ни крутым. Следуя за девушкой-привратницей, чтобы подняться на холм и войти в сад, вы увидите, что тропа была окружена камнями неправильной формы и зелеными деревьями. На каждом шагу был иной взгляд, по-настоящему оправдывающий репутацию императорского сада.

Зигзагообразная тропа, усеянная росами, павильонами, древними кипарисами и виноградными лозами, прокладывала живой и интересный путь в сад. Неведомые крошечные цветы на ветвях устремлялись на ветер, а утренние лучи солнца отражались сквозь росы на лепестках в красочное сияние, которое делало пейзаж прекраснее.

Прибыв на вершину холма, вас встретили бы каменные ворота сада. Затем, оглянитесь на склон холма, цветущие цветы, покрывающие весь холм, сразу же сделают вас счастливее.

Когда Мо Цяньсюэ покинул деревню Ван, это было время, когда цветущие персики были бутонами, а теперь они падали, лучшее время для благодарности.

Войдя в сад, вы увидели порыв ветра, несущего красивый лепестковый душ.

Мо Цяньсюэ не могла не открыть руки и сделала глубокий вдох.

Сзади раздался голос: "Шишка так опьянела от этого лепесткового дождя". Боюсь, что её рот не закроется, если она увидит в глубине сада красивее..."

Мо Цяньсюэ обернулся и увидел девушку в вульгарном вермильоне, лицо покрыто карминовой пудрой, а волосы полны звенящих нефритовых заколок для волос. Роскошь в ее глазах можно было описать одним словом в глазах Мо Цяньсюэ: фустиан!

Девушка также увлекалась Мо Цяньсюэ, когда она обернулась. Она обнаружила, что на ней было только светло-голубое плиссированное платье с несколькими персиковыми лепестками, вышитыми на подоле. Несмотря на то, что она носила популярную прическу с шишками, на ней была только одна заколка из нефрита с золотыми бабочками.

Брови девушки были кривые, как луна. У нее было красивое лицо, но оно было очень бедным. Она боялась, что эта девушка не может иметь высокого происхождения, и сомневалась в законности своего приглашения. Еще больше презрения вытекало из ее глаз, она подняла голову и храпела.

Такое провокационное отношение было ребячеством к Мо Цяньсюэ, который только слегка улыбнулся, жесткий презрение мерцает в ее глазах, планировал игнорировать ее и уйти.

В публичном месте ссориться с таким человеком было унижительно.

В таком прекрасном пейзаже было уродливо рассуждать с такой хромой девушкой.

Мо Цяньсюэ отвернулась и намеревалась уйти, но девушка остановила ее и сказала: "Кто ты? Кто твой отец? Почему ты не поприветствовала меня, когда увидела? Ты не боишься, что я накажу тебя за то, что ты ушла вот так?"

<http://tl.rulate.ru/book/14777/1016815>